

«Субъект... в актах своей творческой самодеятельности... создается и определяется»

Человек как субъект и субъектность как его человеческое свойство

В. А. Петровский

«Субъектность» в пространстве культуры и наяву

В статье развивается авторская концепция личности как мультисубъектной целостности. Опорное понятие предлагаемой концепции — *субъектность*. Автор понимает под *субъектом* бесконечный источник «могу», пространство потенциального постоянно подтверждаемого и актуализируемого всемогущества (принимается математическая метафора бесконечномерного куба возможностей). *Субъектность* трактуется как устремленность к новым возможностям, включающим в себя внешние (производимые, присваиваемые) и внутренние (актуализируемые, «высваиваемые») возможности. Определяется понятие *рациональной субъектности*, характеризующей тем, что возможности, вкладываемые субъектом в процесс, соответствуют возможностям, обретаемым в результате. Выделяются два варианта *иррациональной субъектности*: свержадаптивная пассивность и активная неадаптивность («надситуативная активность»). Постулируется соответствие между уровнем обретаемых субъектом возможностей и уровнем его побуждения к последующим действиям: чем выше уровень обретаемых субъектом возможностей («могу»), тем сильнее стремление воплотить их («хочу») — условие равенства «могу» и «хочу». Динамическое единство «могу и хочу» образует суть того, что автор называет *состоятельностью*, — средоточием возможностей, побуждающих активность (это значит, что не только «хочу» переходит в «могу», но и «могу» переходит в «хочу»). Формулируются условия оптимума состоятельности, основанные на авторской математической модели состоятельности устремлений. Следствием принятия модели состоятельности является переход к мультисубъектным моделям личности. Присутствие разных субъектов во внутреннем пространстве личности рассматривается как результат интериоризации межсубъектных отношений, существующих вовне.

Ключевые слова: субъект, субъектность, возможность, могущество, состоятельность, оптимум состоятельности, мультисубъектная организация личности, культурно-историческая теория, субъектные сборки.

«Субъектность» — что это значит?

Четверть века назад в советской психологии дискуссии о «субъектности» как таковой не велись и прилагательное «субъектное» (машинистки и наборщики упорно путали его с «субъективным») еще не было обременено суффиксом «-ость». И поэтому позволим себе авторское отступление, по сути, еще ни к чему не приступив предметно: когда защищалась докторская диссертация автора этих строк — «Феномен субъектности в психологии личности» [26], первый оппонент, при всей его благожелательности, приветствовал рождение термина, не без иронии сетуя: «Ох, уже эта “-ость”! Вечно придумывают: не “ценность”, а “ценностность”, не “личность”, а

“личностность”, а вот теперь не “субъект”, а “субъектность”...» Так или примерно так звучали слова эксперта, Игоря Семеновича Кона, чей авторитет был и остается для меня бесспорным¹. Мысленно я продолжаю дискутировать со своим оппонентом, говоря, что термин «субъектность» нужен, что он призван указать на то, что неизбежно упускается при частом и неразборчивом использовании слова «субъект», что специфика *субъекта как такового* или подменяется туманными представлениями об индивидуе, личности, индивидуальности, или тем, что в наши дни на западный лад именуют «агентом» активности, «агенсом» (см. об этом: [6]).

Но четверть века уже позади. Отношение психологов к проблеме субъектности изменилось. Проводятся конференции, посвященные субъектности; выпускаются журналы, тематические номера которых строятся под знаком субъектности; защищаются диссертации, в названии которых фигурирует этот термин; выходят монографии, посвященные субъектности. Число упоминаний термина «субъектность» из года в год растет (график приводить не будем, хотя картина убеждает в том, что «субъектность» может не чувствовать себя незваной гостьей в науке). На сегодняшний день eLibrary.ru содержит в себе данные о более чем 6 000 публикациях, обращенных лицом к субъектности. Однако это не значит, что идея субъектности в достаточной мере прояснена в теории и должным образом соотнесена с другими аспектами бытия индивидуума в мире. Очевидно, исходным пунктом определения этого термина должно быть некоторое понимание *субъекта как такового* — «чистого» субъекта, не заслоненного эмпирическими формами его проявлений.

«**Надлежащее подлежащее**»? Это понимание *субъекта*, помнится, казалось забавным Владимиру Петровичу Зинченко, умевшему ценить, но также и вышучивать словесные экзерсисы коллег. Приведем небольшой отрывок из книги В. П. Зинченко «Сознание и творческий акт» [8]: «Субъект, в отличие от свободной личности, — это *подлежащее* (М. Хайдеггер). Он должен быть предсказуем и подлежать нормативной фиксации. В психологии — это испытуемый в лаборатории, который используется для обнаружения, изучения или выработки той или иной функции. Когда я поделился этими соображе-

¹ Любопытно, что задолго до написания докторской диссертации я прочитал в одной из статей И. С. Кона, что в предлагаемой В. А. Петровским концепции «надситуативной активности» впервые ставится ударение на «субъектной», а не только «предметной» детерминации активности. Ощущение того, что я был понят и услышан «самим Коном» укрепило меня, будущего докторанта, в стремлении, как теперь говорят, «позиционировать» идею субъектности при разработке проблем психологии личности. Я не могу не вспомнить о своем втором оппоненте, блистательном Олеге Александровиче Конопкине. В его отзыве — это был текст на 16 машинописных страницах (с сокращениями отзыв был опубликован потом в «Вопросах психологии» [10]) речь шла о том, что проблема личности человека «в аспекте ее субъектных характеристик, ее истинных субъектных потенций и реальных феноменов субъектности... является ключевой при исследовании закономерностей отдельных, частных форм произвольной активности человека». «В психологической науке, — говорил О. А. Конопкин, — все более отчетливо ощущается и осознается потребность в преодолении несоответствий и несообразностей между общеметодологическими положениями о человеке как о действительном субъекте своей активности, о свободе действительного волеизъявления человека, о творческом потенциале личности во всех ее субъектных проявлениях и т. п., с одной стороны, и явным обеднением и редукцией этих положений в частных концепциях специфических форм субъектной активности и, тем более, в “прикладных” исследованиях отдельных видов деятельности — с другой...» Подчеркивалась «существенная новизна исходных позиций, подходов и исследовательских аспектов, посвященных “феномену субъектности в психологии личности”, которые реализуют в своей совокупности оригинальную концепцию, содержательно обосновывающую и раскрывающую феномен субъектности как сущностную характеристику личности человека, его личностного бытия». О. А. Конопкин отмечал, что таким образом открывается «особая предметная область психологического исследования личности» [Там же. С. 148].

ниями с В. А. Петровским, он сказал, что есть ведь и “надлежащее подлежащее”, на что я ответил, что в этом случае должно быть и “ненадлежащее подлежащее” От такого “ненадлежащего субъекта” избавляются и заменяют надлежащим, исправно выполняющим свои функции» [8. С. 545]. Отметим, что для автора цитируемой книги «субъект — это образующаяся в результате принудительной социализации функция, которую он и репрезентирует» [Там же. С. 544]¹.

Но попробуем все-таки постоять за «надлежащее подлежащее»².

Рассмотрим, чем вызвано к жизни это парадоксальное словосочетание. Однако вначале заметим, что представители гуманитарных наук, в отличие от представителей наук точных, не могут «с места» ввести определение того или иного термина. Они должны вчувствоваться в его смысловое значение, живущее в языке. А сложность состоит в том, что строгой процедуры такого соотнесения гуманитарии не придумали, чаще они полагаются на свою интуицию и, когда предъявляют результаты своего поиска, далеко не всегда озвучивают критерии, на которые фактически опирались. Конечно, и мы, говоря о понятии «субъект», будучи представителями гуманитарной, не слишком «дисциплинированной», дисциплины, не способны избежать участи многих наших предшественников и в то же время потребуем от себя все-таки обозначить посылки, принимаемые во внимание.

В нашем определении *субъекта* должны пересекаться различные смыслы, придаваемые носителями языка, использующими данное слово. Но эти «смыслы» могут не совпадать друг с другом. Следовательно, нужно уловить общность в различиях. В таком случае носители языка станут узнавать «свое» в термине, даже если частные формы словоупотребления не совпадают друг с другом.

Теперь присмотримся, и мы увидим два *противоположных*, подчеркиваю, — *противоположных!* — смысловых значения слова «субъект»:

- то, что должно быть определено чем-нибудь, — *определяемое* нечто; здесь перед нами то, о чем что-либо сказывается, — *подлежащее* (что соответствует лат. *subjectum* — подлежащее);
- то, что определяет собой нечто, — *определяющее* нечто; здесь мы имеем дело с тем, что позволяет сказывать что-либо о подлежащем, придает ему *надлежащие* свойства.

Как примирить противоположные значения термина «субъект»? В грамматике «субъект» определяется как «подлежащее, семантическая категория со значением производителя действия или носителя состояния» («Википедия»). Поставим ударение на компромиссное «или»! Почему «компромиссное»? Потому что «или» бывает разделительным (либо-либо) и объединительным (и-и). В словах «производитель действия *или* носитель состояния» мы не можем различить два значения этого «или». Однако наша задача — найти бескомпромиссное решение вопроса о возможной общности двух противоположных значений слова «субъект». И это решение у нас почти на виду.

¹ <!--[if !supportFootnotes]-->[1]<!--[endif]-->Иллюстрацией таким образом понимаемого субъекта (как функции, обусловленной принудительной социализацией) могла бы служить, как нам кажется, черепашка из анекдота: «Где моя черепашка?» — «Она во дворе с ребятами. Орехи колет».

² <!--[if !supportFootnotes]-->[2]<!--[endif]-->При подготовке этой статьи неожиданно для себя в «Википедии» я обнаружил следующий раздел — «Надлежащее подлежащее» и там нашел, что «в русской синтаксической традиции, в отличие от большинства других, основой предложения принято считать не только сказуемое, но и подлежащее. Ведь получается, что в любом случае подлежащее стоит как бы над всеми членами предложения, его слушается даже само сказуемое!» См.: <http://russkiyjazik.ru/271/>

Итак, *субъект* — «определяемое» или «определяющее»? Нашим ответом будет: *самоопределяющееся* нечто — то, что определяет себя само, будучи *одновременно* и определяемым, и определяющим началом. Мы говорим применительно к такому пониманию интересующего нас термина — «надлежащее подлежащее» (уточняя, естественно, в чем суть этого «надлежащего»).

«*Causa sui*». Другими словами, *субъект* — детерминирующее себя нечто, причина себя («*causa sui*»). «Быть субъектом» — это воспроизводить свое бытие в мире — свой состав, структуру, динамику, функции.

Назовем имена тех, кому мы обязаны данной трактовкой субъектности:

- Аристотель (учение о четырех причинах — материальной, формальной, действующей, целевой);
- Спиноза (идея первопричины);
- Гегель (идея «возвращения причины к себе», «свободной причины»).

Из современных философов назову Г. П. Щедровицкого, автора так называемой четырехслойки в характеристике сущего («материя», «организованность материала», «динамика», «функция»)¹.

Отталкиваясь от этого общего и весьма абстрактного понимания субъекта, но ведя теперь речь о человеке (человеческом индивидууме) как субъекте, мы можем перейти к более конкретной трактовке «субъекта» в культуре (или по крайней мере в той части культуры, которая относится к области психологических построений). Договоримся о человеке как субъекте говорить «индивидуальный субъект» (или, если не возникает сомнений в контексте словоупотребления, просто «субъект»). В нашем понимании «индивидуальный субъект» («субъект») есть сущее, имеющее образ себя в среде и на основе этого образа воспроизводящее себя, а также усло-

¹ Аристотель в своем учении о четырех причинах выделял среди них такие: 1) то, из чего состоит нечто («материальная причина»); 2) то, форма чего составляет суть чего-либо («формальная причина»); 3) то, посредством чего производится что-то («действующая причина»); 4) то, для чего что-либо есть («целевая», «конечная причина»). Важное для нас замечание Аристотеля состоит в том, что «есть причины по отношению друг к другу» (так, занятие трудом — причина хорошего самочувствия, а оно — причина занятия трудом, но не в одном и том же смысле, а одно — как цель, другое — как начало движения). Таким образом, уже здесь мы встречаем предпосылки идеи «возвращения причины к самой себе» — ключевой для развиваемой нами трактовки «субъекта».

Спиноза вводит представление о первопричинности (причины, с которой начинается причинно-следственная цепочка переходов). Подсказку, как мыслить такую причину («позади» нее ничего нет, а есть только следствия, превращающиеся в причины новых следствий), мы находим у Гегеля. Связь между причиной и действием в своей истине, как отмечал Гегель в «Науке логики», предполагает возвращение причины к себе через то, что выступает как ее действие и благодаря чему «в изначальность полагается действие, т. е. изначальность снимается; действие причины становится реакцией» [7. С. 334]. Причина как бы возвращается к себе, выявляет свою зависимость от себя самой, в конечном счете определяет себя сама. Но ведь это и есть проявление того, что наша интуиция именуется «свободой»! Рождающуюся таким образом причину, свободную в том отношении, что она сама определяет себя через свое возвращающееся к ней самой действие, будем в дальнейшем так и называть — «*causa sui*» («причина себя»), используя этот термин именно в указанном смысле. Итак, применительно к *субъекту* мы говорим о совершенно особой причинности — **самопричинности**: нечто, именуемое «субъектом», объединяет в себе четыре причины *себя*: материальную причину (то, *из чего* состоит это нечто), формальную причину (то, *чем* оно является, что оно представляет собой), действующую причину (то, *посредством чего* оно строится, откуда берется) и целевую (то, *для чего* оно существует, в чем обнаруживает свою ценность, предназначение).

И все эти причины выступают единым фронтом, образуя то, что можно было бы, используя представления Г. П. Щедровицкого о «четырехслойке» (любое сущее раскрывается и проектируется в четырех аспектах: «материи», «организованности материала», «динамике», «функциях»), назвать «четырехслойкой самопричинности».

вия своего существования. Пояснением может служить поэтическая метафора: «Я и садовник, я же и цветок» (О. Мандельштам).

Из этого понимания вытекают четыре характеристики (индивидуального) субъекта:

- 1) субъект — целеполагающее (т. е. целеустремленное и целедостигающее) существо: иначе ни о каком «воспроизводстве» нет и не может быть речи;
- 2) субъект — рефлексующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, т. к. самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено;
- 3) субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что все завершилось или должно быть продолжено);
- 4) субъект — развивающееся существо (ибо приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности условия и способы самовоспроизводства).

Итак, отталкиваясь от этого понимания, можно вывести представление о субъекте как существе *целеустремленном, рефлексующем, свободном и развивающемся* [27]. Подчеркнем, что на вопрос «где» («в каком пространстве») существует такой «субъект», мы до сих пор отвечали, что его местожителство — культура.

Предложенное нами определение неоднократно цитировалось (преимущественно без ссылок¹). Но при этом, *как правило*, характеристики субъекта не сопровождалось важным комментарием, что существование этого портрета в культуре не гарантирует существования его прототипа в жизни. Иными словами, портрет-то есть, но существует ли кто-то, кто был бы изображен, неизвестно. И в этом пункте у нас — сомнение.

Существует ли субъект? Есть по меньшей мере два основания сомневаться.

Первое: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Наши глубинные цели и результаты их достижения расходятся:

- Есть болезнь, от которой умирают все. Это — жизнь (= «жить — значит умирать»)².
- Любить — значит привязывать и привязываться; «мы несем ответственность за тех, кого приручили».
- Познание — «достижение ученого знания о собственном незнании» (Н. Кузанский).
- «Незачем стремиться к счастью, незачем о нем беспокоиться... стремиться к нему нельзя... В той мере, в какой человек делает счастье предметом своих устремлений... счастье ускользает» (В. Франкл).

Во всех сущностных проявлениях человеческого бытия последствия поступков непредсказуемы и часто небезопасны. Человек трансцендирует свои границы, но говорить об этом с придыханием и пафосом, по-видимому, не всегда уместно. Если цели и результаты активности расходятся, если поступки не совпадают с деяниями, если мысль изреченная есть ложь и если, как ни желаем того, мы не можем гарантировать, предугадать, как слово наше отзовется, то что же тогда с субъектом? Субъектен ли индивидуум?

Второе: «Ты ли Бог в своем универсуме?» Среди очевидных поводов к сомнению факт рождения человеческого дитя, его биологического созревания и роста: является ли родившийся ребенок «причиной и следствием» себя самого, или все-таки были другие люди, «некоторым образом» причастные к его появлению на свет? Является ли индивидуум причиной и следствием всех мыслей и чувств, его посещающих, или, «может быть», есть что-то еще, что входит в содержание его дум и переживаний независимым от него образом?

¹ Поэтому и мы не ссылаемся.

² Вопрос о болезни, «от которой умирают все», я услышал от мудрого Иосифа Моисеевича Фейгенберга, психолога, психиатра; формула «жить — значит умирать» принадлежит полузабытому в наши дни автору «Диалектики природы» Ф. Энгельсу.

А внешний облик? Материальное положение? Социальный статус? Все это исключительно функция его собственной активности? И так ли не правы древние греки, считавшие, что вместе с рождением человека он получает, мы бы сказали, в приданное что-то такое, чего он не может в себе отменить¹? Наконец, прав ли бескомпромиссный и пламенный Эрхардт, создатель тренинга ЭСТ, в своем утверждении, обращенном ко всем и каждому: «Ты — Бог в своем универсуме!» По сути, все это риторические вопросы с предрешенным ответом «нет»².

Субъектность — осуществление желаемого в диапазоне возможного. Чем можно было бы ответить на эти сомнения? Можно ли считать индивидуума субъектом в собственном смысле этого слова — причиной себя, источником и результатом собственного существования в мире? На наш взгляд, подобная задача разрешима, но в том случае, если принять за исходную идею присутствия индивиду *возможностей* и рассматривать его бытие именно с этой — возможностной — стороны. При таком взгляде субъектность индивидуума определяется его включенностью в процессы (вос)производства, накопления и использования собственных *возможностей* существования в мире³; кратко это *возможность в действии*. Напомним, речь идет о возможностях мыслить, чувствовать, воспринимать, длить свою жизнь, сохранять здоровье, воплощаться в других и, как мы увидим далее, обладать возможностями *как таковыми*, присутствующими в ощущении «могу»⁴. Приведем несколько более ранних формулировок той же идеи: «"Я" индивидуума есть "сгусток возможностей, воплощаемых вовне"; «главная потребность человеческого бытия — освоение этих возможностей...» [39. С. 25—43].

С этой точки зрения состояться в качестве субъекта — это ставить перед собой «цели-возможности», а не «цели-предметности», т. е. произвольно идти навстречу неизвестному, ориентировать себя в направлении непредрешенного. За этот счет снимается отмеченное выше и, казалось бы, губительное для идеи субъектности противоречие между принципом контроля над последствиями собственных действий и фактическим положением дел. Для того чтобы

¹ Эпиктет рекомендует рассматривать себя так: «Если ты хочешь быть воином, посмотри на свои плечи, бедра, поясницу. Ибо один человек имеет естественную предрасположенность к одному, а другой — к другому» (цит. по: [16. С. 40]).

² Впрочем, во времена научной романтической юности автору этих слов думалось, вернее, хотелось думать, что человеческое существо во всех отношениях «причина себя»; и сейчас *мне хочется* думать так, но уже не думается: известные всем достижения психогенетики, а также личный опыт психологического консультирования клиентов существенно ограничивают мою веру во всеохватность идеи «causa sui» применительно к индивидууму. Если уж тотально и «causa sui», то исключительно в исторической перспективе.

³ *Объем осваиваемых возможностей* можно сравнить с «обживаемым» пространством, общей территорией, принадлежащей человеку и миру. В математическом смысле это многомерный куб. Имея в виду некоторое количество последовательных попыток присвоения внешних и высвоения внутренних возможностей индивидуума, этот «куб» можно осмыслить как бесконечномерный («гильбертов куб»). Допустимое число его измерений динамично и определяется числом совершаемых попыток. Этот объем представляет собой произведение ранее освоенных возможностей на возможность, предоставляемую средой, и то, что произведено, объединяется с актуализированными резервными возможностями. При этом каждая очередная испытываемая возможность открывается в новом измерении.

⁴ Согласно Р. Акоффу и Ф. Эмери [1], «могущество» — высшая (притом недостижимая) цель человеческого бытия. Мы полагаем, что в *переживании* — даже если оно мимолетно — мы преодолеваем ощущение недостижимости этого идеала; некоторые из наших переживаний обладают качеством трансфинитности — актуальной бесконечности (см.: [28; 30; 46]). В данном случае речь идет о *ситуативном* «я все могу». Будучи ситуативным, оно выступает источником ощущения себя *над ситуацией* («Я решил все задачи» — Декарт, в момент открытия им системы координат, именуемой ныне «декартовой»; «Сегодня я гений» — А. Блок, после написания «Двенадцати»; вспоминается также история о ночном звонке поэта Михаила Светлова актеру З. Гердту: «Зиновий, нет ли у тебя знакомого нотариуса? А то у меня завелся червонец и я бы хотел снять копию»).

индивид состоялся как полноценный субъект, контролирующий исходы своих действий, он может рассматривать возможность расхождения между результатом и целью своих действий как основание для *выбора* этой цели. «Я не знаю, что из этого получится, и получится ли то, к чему я стремлюсь, но именно это и побуждает меня к выбору того, что стану делать».

В разные годы, с начала 70-х гг. прошлого века, автор исследовал феномен «бескорыстного риска» и другие проявления тенденции индивидов действовать, осуществляя пробу своих возможностей [41]. Так, некоторые люди, не рассчитывая на вознаграждение, намеренно рискуют, вовлекают себя в ситуацию, в которой они могут как достичь, так и не достичь своих целей. Их побуждает сама возможность «оказаться на грани». Граница — между предсказуемым и непредсказуемым — притягивает [41]. В этой притягательности *возможного*, а не *пред-данного* реализуется фундаментальная потребность индивидуума «быть субъектом», порождая своими действиями облако альтернативных исходов и беря на себя ответственность за любой из них. Тем самым купируется сформулированный В. Вундтом и предвосхищенный еще Г. Гегелем «закон гетерогении целей» (расхождения между целью и результатом активности). Риск, творчество, познание, игра, общение в таких случаях приобретают смысл испытания индивидом своей субъектности, осуществления желаемого в диапазоне возможного¹. Притягивает то, чего нельзя гарантировать, — позитивный *или* негативный исход действия, открывающиеся лишь *post factum*. Выбирая возможное, но не пред-данное, индивид готов претерпеть последствия своего выбора, каковы бы они ни были. Тем самым, по сути, индивид возвращает себе статус субъекта, хотя цель и результаты его устремлений при этом могут не совпадать.

Возможности: инструментальность и самооценочность. Может ли человек непосредственно, напрямую, программировать свою мысль, направлять чувства, управлять потоками жизни и т. п.? Мы полагаем — нет. Но он способен производить и воспроизводить **возможности** того, чтобы все это состоялось. Вещи, с которыми ему надлежит иметь дело, обычно существуют в упаковке возможностей, и эти возможности необходимо раскрыть, что и означает «программировать», «направлять», «управлять». Речь идет о раскрытии инструментальных функций возможностей.

Но представляется, что возможности есть нечто большее; они часть нашего могущества; не только *средства* достижения чего-то иного, чем они сами, т. е. не только *инструментальны*, но и обладают независимой ценностью: они *самоценны*. Ощущение «*я могу*» побуждает к действию как таковому; оно *обладает ценностью само по себе*.

Так, **феноменологически** мы ясно отличаем друг от друга возможности *к обеспечению* чего-либо и возможности *к осуществлению* этого (возможности, стремящиеся воплотиться). Ощущение «я могу» и его спутники: «смогу ли?», «тогда не смог, теперь смогу», «вот теперь получилось!..», «но нет, это еще не все...» — образуют динамическую ткань субъектности². И с данной точки зрения

¹ Во всех построениях, фигурирующих ниже и имеющих вид $c = a^* \supset b$, символ «*c*» обозначает конкретное число (математическое ожидание), указывающее центр распределения случайной величины в определенном интервале значений. Границы рассеяния исходов прорисованы нами в нашей статье [33].

² «*Быть Я*» для личности — существовать в измерении своих осознанных возможностей. То есть жить посредством себя, обогащаться феноменами своего жизненного распространения в бытие значимого, расставаться с собой, идти к новой встрече с собой, достигать себя и ускользать от себя в неизвестное будущее к новым значимостям» [54. С. 76]. «В переживаниях “я могу” человек обретает, утверждает себя в качестве субъекта собственной жизни, что позволяет рассматривать их как “точки” амплификации субъектности» [52. С.127].

субъектность — исключительно человеческое свойство, особая сфера существования индивидуума: полигон испытаний, или, как говорил А. Н. Леонтьев, «пробы себя»; арена битв с собой; риск (и упоение риском); переход через флаттер¹; «езда в неизвестное» (так Маяковский определял поэзию); муки творчества; балансирование на краю — словом, все то, что можно назвать полем проявления надситуативной активности [20; 21; 25; 26; 40; 41 и др.].

В связи со сказанным замечу, что мне близка продуктивная идея Д. А. Леонтьева [12] создать «возможностную» психологию, сфокусированную на проблемах человеческого бытия, протекающего обычно между необходимостью и случайностью. Данный проект представляется не только интригующим, но и весьма мотивированным. Автор вполне корректно именует его персонологическим (ибо в новой персонологии пересекаются интересы академической, фиксирующей данности, и практической, имеющей дело с возможностями, психологии личности — см. по этому поводу [34; 43; 46; 53; 54; 55]). Важный момент построения «возможностной» психологии — подчеркивание того факта, что человеческое существо иногда действует автоматически, реагируя на стимулы, а иногда — сообразуясь с возможностями, т. е. совершая выбор. Мы бы сказали, «человеческая ситуация» всегда между логикой «стимул — реакция» и логикой «вызов — выбор» (об оппозиции пар «стимул — реакция» и «выбор — вызов» см.: [41. С. 79—82]). Впрочем, главный вопрос состоит в том, кто совершает выбор, что представляет собой загадочное «нечто», осуществляющее самодетерминацию. Это, действительно, трудный и, мы бы сказали, ключевой вопрос теории! Д. А. Леонтьев, говорящий чуть ли не с восторгом о теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, по его собственному признанию, ощутил «при подробном ознакомлении с ней» «какое-то неустранимое противоречие...». «Не парадокс ли, — вполне справедливо замечает Д. А. Леонтьев, — утверждать, что автономия и способность к самостоятельному причинно обусловленному выбору возникают в результате причинно детерминированного процесса? В этой теории недостает ответа на главный вопрос о том, для чего человеку автономия и самодетерминация, вопрос об их смысле» [12. С. 8]. Продолжим: даже если ответ на вопрос «для чего?» будет найден, останется нерешенным старинный кантианский вопрос «как возможна» самодетерминация, что представляет собой “это самое” само в связи с различием естественной и свободной причинности? Мы не останавливаемся здесь на подробном обсуждении данного вопроса, не только философского, но и конкретно-научного, но не исключаем, что ответ на него будет связан с пониманием Я как сгустка внутренних возможностей², встречающихся на своем пути с потоком импульсов, исходящих от окружения [42; 44; 49].

С позиции субъекта, «производителя возможностей», не только вещи — «в оболочке возможностей», но и *возможности* существуют *в оболочке вещей*. Речь, конечно, не только об орудиях и продуктах труда (хотя и о них), но так-

¹ Эффект флаттера (самопроизвольно возникающие вибрации летательного аппарата, обычно при достижении критической скорости) привлекается тренингистами в качестве метафоры описания условий личностного роста людей. И. М. Шмелев [59], впервые вводящий это понятие в научный дискурс, придает феномену «перехода через флаттер» особое значение при исследовании «овладевающего поведения», не тождественного копингам и, тем более, защитным механизмам, актуализируемым в трудных жизненных ситуациях. В наших совместных исследованиях надситуативной активности эмоциональный флаттер рассматривается как неизбежный спутник проникновения в миры «по ту сторону» знакомого, в пространство «непредрежденного».

² Внутренние возможности в нашем представлении — это каскад чувственных импульсов, расширяемых по случайным траекториям, бессубъектных в своей основе, но при этом конфигурируемых культурными схемами «Я» [33; 44; 48].

же о знаках, символах, текстах, посредством которых люди «обмениваются» друг с другом чувствами, мыслями, намерениями, смыслами. Мы не можем непосредственно «передать» свои переживания (наши волнения, смыслы, чувства), но мы можем передать другим людям возможность пережить это, препоручая им *вещи*. Заметим, что вещи как таковые суть средства и не более чем средства трансляции возможностей.

В коммуникации возможности людей объединяются, превращаясь в нечто действительное, состоявшееся (и вновь движущееся, воплощающееся, передаваемое как возможность). За счет этой трансляции возможностей, опосредуемой вещами, функционируют цепочки межсубъектных связей — «субъектные сборки» (о них — дальше).

Мы говорим о вещах, что они «служат» нам. Это значит, что они сообщают *возможность* чувствовать, думать, действовать, желать; они служат *жизни* как таковой; именно жизнь (экзистенция) образует *цель* их скрытого или явного предназначения. Однако переживаемые возможности способны не только «служить». Они та часть бытия, которая обладает ценностью сама по себе. И таким образом, задача «субъекта», точнее, индивидуума, стремящегося состояться в качестве субъекта, двоякая: высвобождение возможностей, присутствующих ему самому («высвобождение», сказал бы, возможно, М. Хайдеггер), и извлечение возможностей, поставляемых миром («присвоение»); оба процесса в целом обращены к возможностям, их освоению, они не просто «обслуживают» что-либо, инспирирующее их, они самоценны.

Субъектность как состоятельность. Данное понимание *субъектности* получает свое развитие в *модели состоятельности* индивидуума (под «состоятельностью», как мы увидим дальше, подразумеваются имеющиеся у индивидуума возможности как условие производства новых возможностей¹).

В нашей модели [37; 46], сводящей вместе состояния «могу», «хочу», «располагаю» и «достигаю», содержатся представления, характеризующие динамику возможностей индивидуума в последовательные моменты времени. В этом процессе внутренние возможности индивидуума («могу») превращаются в его желания («хочу»), желания обращены к внешним ресурсам («располагаю») и, взаимодействуя с ними, обуславливают результаты («достигаю»), служащие источником новых витков активности (новое «могу» превращается в новое «хочу» и т. д.).

Рассмотрим подробнее, что означает «состоятельность» («состоятельность устремлений»). Необходимость введения в психологию этого нового термина вызвана тем, что в науке отсутствует слово, объединяющее в себе два предполагающих друг друга значения: ресурсы и запросы (возможности и побуждения) индивидуума. Конечно, здесь мог бы считаться подходящим термин «потенция», но в русском языке, увы, данный термин имеет специфическую коннотацию, ограничивающую широкий контекст его использования.

При качественном описании «состоятельность» — это благополучие и благорасположение; счастье и способность его испытывать; удовлетворен-

¹ В настоящей работе мы не рассматриваем истоки построения этой модели, представленные в моделях готовности субъекта к биполярному выбору В. А. Лефевра [13; 14; 15] и многомерной модели нормированного поведения Т. А. Таран [56; 57]. Мы предприняли такой анализ в ранее опубликованных работах, и в частности в монографии, посвященной В. А. Лефевру и Т. А. Таран. Отмечу только, что в представленной автором модели состоятельности речь идет не столько о рефлексивной картине взаимоотношений, складывающихся между субъектом и миром, сколько о том, чтобы описать динамику поведения субъекта в среде, механизмы целенаправленного поведения в поле внешних и внутренних возможностей-ресурсов. В этом контексте автор попытался осмыслить фундаментальные понятия рефлексивной теории В. А. Лефевра как источника важных эвристик при изучении мотивации поведения и мульти-субъектной феноменологии личности.

ность собой и устремленность к новым успехам; наслаждение тем, к чему стремишься, и, равным образом, стремление к тому, чем наслаждаешься; посильность пути и усилия пройти этот путь. Обобщенно, «состоятельность» — это совокупность *проявленных возможностей*, переживаемых как «могу» в единстве с «хочу»; средоточие возможностей, побуждающих активность, — словом, состояние деятельного благополучия.

При формальном описании, опирающемся на математические символы, «состоятельность», w (от *well-being* — благополучие), может быть определена как сумма новоприобретенных возможностей $x \cdot y$ и актуализированных резервных возможностей $(1 - x)$, где x — наличные внутренние возможности, а y — предоставляемые средой. Поясним, что означает произведение $x \cdot y$. Как уже было сказано только что, x представляет собой наличные возможности индивидуума («могу»). Мы постулируем, что сила «хочу» — стремление воплотить наличные внутренние возможности — соответствует уровню «могу» — объему этих возможностей. И таким образом, x в произведении $x \cdot y$ может интерпретироваться как побуждение к использованию наличных внутренних возможностей (т. к. количественно оно равно объему этих возможностей, в интересах простоты изложения сила побуждения обозначена тем же символом, что и объем возможностей). В то время как возможности-побуждения к действию *воплощаются* в соприкосновении с возможностями, предоставляемыми средой, резервные возможности объемом $1 - x$ *актуализируются*. Все переменные в формулах положительны и не превышают 1, символизирующей максимум как возможностей, так и запросов. Итак,

$$w = 1 - x + x \cdot y.$$

При описании состоятельности может быть использована также *импlicative форма* записи:

$$w = x \supset y = 1 - x + x \cdot y.$$

Читается: «Запрос x реализуется посредством актуализации дополнительных к запросу внутренних ресурсов, $1 - x$, и с опорой на внешний ресурс y ». Приведем также другую формулировку, более краткую: «**поддержка x с опорой на y** » (см. более подробное изложение модели в книге: [46]).

Понятие «состоятельность» позволяет определить **субъектность** как **устремленность к новым возможностям — присвоенным и высвоенным**. При этом может быть построена модель **субъекта как такового**, т. е. индивидуума, *бытие* которого соответствует *понятию* о нем как о субъекте — *источнике и результате* его (индивидуума) существования в мире¹.

¹ Существует и другой взгляд, при котором «субъект» есть некая целостность, объединяющая в себе все, что можно объединить, а становящееся все более популярным слово «субъектность» теряет специфику, растворяясь в море других слов, описывающих человеческую индивидуальность. На фоне становящегося традицией бездумного употребления слова «субъект», о чем писал В. П. Зинченко, рельефно вырисовываются позиции авторов, внесших особое понимание этого термина в соотношении с терминами «личность», «индивидуальность», «я» и критическое его осмысление. Это такие философы, методологи и психологи, как Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе, В. С. Библер, А. В. Брушлинский, Л. М. Веккер, М. К. Мамардашвили, О. А. Конопкин, А. В. Петровский, К. А. Абульханова-Славская, В. М. Аллахвердов, А. Г. Асмолов, В. Г. Асеев, В. К. Зарецкий, В. В. Знаков, А. В. Карпов, Т. В. Корнилова, А. Н. Кричевец, Д. А. Леонтьев, В. Е. Лепский, К. С. Лисецкий, В. И. Моросанова, Ю. А. Миславский, А. С. Огнев, А. Г. Осницкий, В. Н. Порус, Т. М. Рябушкина, В. А. Татенко, Э. В. Сайко, Е. А. Сергиенко, И. Г. Скотникова, Е. Б. Старовойтенко, В. В. Столин, В. Д. Шадриков, Б. Д. Эльконин (всем своим существом я ощущаю неполноту этого шокирующе длинного списка!). Мог бы назвать также и в том же ряду имена зарубежных ученых А. Бергсона, М. Фуко, Р. Акоффа и Ф. Эмери, Д. Деннета и др., но вынужден останавливать себя, потому что каждый из этих мыслителей, как, впрочем, названные и неназванные здесь российские авторы, не заслуживает участи быть «просто включенными в список».

Условия оптимума состоятельности. Опишем вначале оптимальное соотношение между запросами и ресурсами субъекта исходя из следующих *одновременно реализуемых* условий оптимальности (критериев оптимума): 1) достижения субъекта w не меньше запросов-усилий, вкладываемых в достижение: $w \geq x$, что соответствует девизу «Окупай вклады»); 2) новоприобретения $x \cdot y$ в максимальной степени превосходят резервные возможности $1 - x$, т. е. отношение $x \cdot y : (1 - x)$ достигает максимума, что отвечает девизу «Будь эффективен»; 3) задействован минимум внешних возможностей y , что соответствует девизу «Экономь»; 4) высота запросов x , побуждающих усилия, максимальна, что отвечает девизу «Не скупись на усилия».

Можно доказать (это доказательство приводится в нашей книге [46], что при одновременном соблюдении указанных выше условий оптимума состоятельности уровень запроса $x \approx 0,62$, уровень внешнего ресурса $y \approx 0,38$, обретаемая состоятельность $w \approx 0,62^2$. То есть в этом случае запрос x равен обретаемым возможностям: $x \supset y = 1 - x + x \cdot y = x$ (действительно, $0,62 \supset 0,38 = 1 - 0,62 + 0,62 \cdot 0,38 = 0,62$). Особый случай, когда в ситуации одновременно реализуются четыре указанных условия оптимума, — мы еще встретимся с такой ситуацией! — назовем *привилегированной точкой оптимума*.

Определим теперь условия, мы бы сказали, *ординарной* точки оптимума. Заметим, что ранее введенное требование одновременного соблюдения всех условий оптимума состоятельности можно ослабить, например сохраняя сочетание «Окупай вклады» и «Экономь», или «Окупай вклады» и «Не скупись на усилия», или «Окупай вклады» и «Будь эффективен». Во всех этих случаях мы говорим о *точке оптимума усилий* (возможно использование и других выражений, несущих тот же смысл: «реализация *оптимальных усилий*», «*рациональная стратегия активности*» и т. п.). Как видим, условие «Окупай вклады» рассматривается здесь в комбинации с другими условиями оптимума. Можно показать (и это очень важно), что во всех этих случаях условие $x \supset y \geq x$ превращается в отношение строгого равенства $x \supset y = x$. Это значит, что запросы субъекта не меньше суммы актуализируемого и приобретаемого ресурса (т. е. нельзя «дуриком» обрести что-то большее, чем вкладывал) [41; 46].

Говоря о *рациональном* субъекте (субъекте *как таковом*), мы имеем в виду индивидуума, достигающего оптимума состоятельности, что означает

$$w = x \supset y = x.$$

(состоятельность соответствует побужениям)

Наряду с рациональным субъектом мы выделяем две формы *иррационального субъекта*:

- *Сверхадаптивный субъект* — тратит относительно мало усилий, обретаем больше, чем тратит ($x < w$). Обретаемое благо — результат актуализации в основном резервных ресурсов, а не новообретений опыта (эффективность действий невелика).
- *Активно-неадаптивный («надситуативный») субъект* — тратит относительно больше усилий, чем рассчитывает в итоге иметь ($x > w$), но при этом он эффективен, в структуре аккумулированных возможностей доминируют новоприобретения опыта.

Формальные определения, позволившие нам сегодня дифференцировать «рационального», «сверхадаптивного» и «активно-неадаптивного» субъектов,

¹ Это соотношение величин соответствует знаменитому «золотому сечению» при делении единичного отрезка на части: $0,62$ и $0,38$; здесь выполняется равенство: $0,62 + 0,62^2 (=0,38) = 1$.

приведены в книгах [41; 46]. Выделяя разные формы проявления субъектности и ставя вопрос об условиях оптимума состоятельности, мы вынуждены покинуть пространство бытия единичного субъекта и обратиться к мультисубъектным построениям, составляющим прерогативу психологии личности. Такое вынужденное смещение акцента определяется тем, что далеко не всегда единичный субъект способен достичь оптимума состоятельности самостоятельно — ему необходим для этого кто-то еще (другой, другие).

Состоятельность и «субъектные сборки» личности

Люди, как правило, объединяются тогда, когда средовые условия не позволяют кому-либо из них в одиночку достичь оптимума состоятельности. (ограниченность ресурсов среды, дефицит или избыточность устремлений)¹. В наших работах [41; 49] предложено несколько моделей, описывающих взаимодействие между индивидуумом, его партнерами и средой обитания на пути к оптимуму состоятельности. В одном случае субъект вступает в непосредственное взаимодействие со средой (модель «единичник — среда»); в других случаях оно опосредовано контактами с другими людьми (модели: «автор — эксперт — среда»; «лидер — партнеры — среда», «хозяин — работник — среда»). Эти модели (мы называем их «субъектными сборками») характеризуются различными композициями взаимосвязи между субъектом и его окружением, а также разными способами обращения с возможностями, вовлекаемыми в процессы коммуникации. Существенно, что, описывая такие модели, мы рассматриваем их как изображение *межиндивидуальных* отношений, в которых каждый из субъектов представляет собой «часть» среды обитания другого.

Однако вполне допустимо считать, что субъекты, входящие в ансамбль участников активности и таким образом являющиеся «частью» коллективного субъекта, могут существовать не только в межсубъектном пространстве, но также и во внутреннем пространстве личности, быть особой частью ее, вступать в общение с собой и с другими, действовать сообща с ними или противодействовать им и т. д. Подразумевается, что внутренние композиции, о которых мы теперь говорим, производны от композиций внешних — образуемых реальными индивидуумами, вступающими в общение.

На чем основано принятое допущение? Для психолога, знакомого с культурно-исторической теорией Л. С. Выготского, ответ очевиден. Речь идет об общем законе развития высших психических функций человека в понимании Л. С. Выготского: «Всякая высшая психическая функция в развитии ре-

¹ Феноменологический анализ того, что мы называем «возможностями», мог бы убедить нас в том, что они объединяют в себе зависимость от кого-то (именно *кого-то*, т. е. некоторого лица), кто может выбирать из множества траекторий одну-единственную, и *независимость* этого выбора от каких-либо привходящих причин. Возможности, в отличие от вероятности, замешанной на случае, детерминированы кем-то, а не чем-то. «Потаенный субъект», выбирающий одну реализацию из многих, первоначально не представляет собой известное нам лицо, он совершенно анонимен и не опознан, точнее, его как персонафицированного деятеля не существует. «И у светлого дома, тревожно, // я остался вдвоем с темнотой. // *Невозможное* было возможно, // Но *возможное* — было мечтой». Блоковское «вдвоем с темнотой» очень точно выражает суть *возможности* как включающей в себя неопознанную субъектность. Феноменологически это может быть обрисовано как присутствие в ситуации «всеобщего субъекта», который объединяет в себе (мы говорим — «плюсовывает») усилия и достижения частных субъектов при достижении целей субъекта-протагониста. «Обнаружив в себе след такого “коллективного Я”, личность осознает себя потенциальным местом встречи, преобразования, импликаций, расширения бытия бесчисленных Я. У нее появляется *возможность в горизонте жизни приобщиться к деятельной мощи трансцендентального Я, осуществить самотрансценденцию*» [54. С. 192].

бенка появляется на сцене дважды — сперва как деятельность коллективная, социальная, второй раз — как деятельность индивидуальная, как внутренний способ мышления ребенка» [4. С. 388]. В других формулировках этого закона подчеркивается, что первоначально это функция социально-психологического приспособления как форма взаимодействия и сотрудничества между людьми, как категория интерпсихологическая; затем — как форма индивидуального приспособления, как функция психологии личности, как категория интрапсихологическая. «...Это — к произвольному вниманию: памяти etc., etc. Это — закон... Индивидуальное — “не contra, а высшая форма социальности”» [5. С. 1021]¹.

Формула развития «по Выготскому» часто цитируется, но в качестве основы для выдвижения гипотез и постановки экспериментов редко используется психологами. Замечательный посыл к реализации данной теоретической интенции Выготского в работах А. Н. Леонтьева (известный пример с загонщиком, цель действий которого не совпадает с мотивом) мог бы побудить исследователей проследить рождение индивидуальной деятельности из коллективной, но этот импульс пока не был в достаточной мере реализован. Исключение составляют некоторые яркие работы российских психологов, сфокусированных на проблемах обучения и развития [9; 11; 19; 50; 60]. В этих работах содержатся теоретико-методологические предпосылки исследования субъектных, и в частности мотивационных, аспектов коллективной распределенной деятельности *внутри* личности; но эмпирические разработки подобной направленности находятся все еще в начале пути (что, впрочем, верно и в отношении автора этих строк)².

Из соотнесения этих подходов рождается особое направление в разработке проблем персонологии субъекта: анализ *мульти-субъектной* организации личности, и в частности внутренних взаимодействий между образующими личность субъектами. О каждом из таких внутренних субъектов мы можем сказать «я» (правда, вступая во взаимоотношения друг с другом, эти разные «я» приобретают разные формы: «мое “я”», «мое “ты”», «он” (“она”) во мне», «я с тобой», «я без тебя», «ты без меня» и т. д. и т. п., а также «самовластное “я”», «приватное “я”», «кроссиндивидуальное “я”», «превосходящее “я”», «си-

¹ Цитирую Л. С. Выготского: «Схема: вначале человек кричит и сражается, подражающий делает то же, потом один кричит и не сражается, другой сражается и не кричит: начальник и подчиненный... «За всеми высшими функциями и их отношением стоят генетически социальные отношения, реальные отношения людей. Номо duplex (“человек двойной” — лат.). Отсюда принцип и метод персонификации в исследовании культурного развития, т. е. разделения функций между людьми, персонификации функций: например, произвольное внимание: один овладевает — другой овладеваем. Разделение снова надвое того, что слито в одном... экспериментальное развертывание высшего процесса (произвольного внимания) в маленькую драму... все высшие функции сложились в филогенезе не биологически, а социально... их механизм есть слепок с социального. Они — перенесенные в личность, интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности. Их состав, генез, функция (способ действия) — одним словом их природа — социальные. Даже будучи в личности превращенными в психологические процессы, они остаются quasi-социальными...» [5. С. 1021—1022].

² Плодотворную идею присвоения ребенком позиции взрослого в ходе обучения В. П. Панюшкин [19] иллюстрирует ссылкой на Л. Н. Толстого, описывающего свой опыт обучения крестьянских детей «браться за сочинительство»: «С этой целью я делал следующее: некоторые из... сторон труда я первое время брал на себя, постепенно передавая их все на их заботу. Сначала я выбирал за них из представившихся мыслей и образов те, которые казались мне лучше, и запоминал и указывал место и справлялся с написанным, удерживая их от повторений, и сам писал, предоставляя им только облекать образы и мысли в слова; потом я дал им самим и выбирать, потом и справляться с написанным, и, наконец, как при писанье “Солдаткина житя”, они и самый процесс писания взяли на себя» [58. С. 176].

туативное «я» и т. д.)¹. Таким образом, открывается картина многообразия («единомножия») различных «я», вступающих в сложные отношения друг с другом. Рассматриваемая с этих позиций *личность* есть целокупность субъектов (единомножие «я»), каждый из которых есть источник и результат собственной динамики в мире; при этом сама целостность обладает чертами субъекта: она воспроизводит саму возможность сохранять свою целостность.

Мы выделяем следующие формы мультисубъектной организации личности: *моносубъектную* личность (личность-субъект), *диасубъектную* личность (личность-диадю), *триасубъектную* личность (личность-триаду), *тетрасубъектную* личность (личность-тетра-субъект), *пентасубъектную* личность (личность-пента-субъект) и т. п. Рассмотрим движение к оптимуму состоятельности для первых трех названных форм субъектности. В поле нашего зрения окажутся различимые формы саморегуляции личности.

Личность-субъект или «сам себе господин». Такому субъекту свойствен *волевой уровень саморегуляции («самоотдача»)*. Прототипом этого процесса является активность *единоличника*. Однако «среда», представленная ранее в формуле *единоличник* $\supset$ *среда*, должна быть осмыслена здесь по-новому — как характеристика внутреннего мира самого человека (*подчеркивая* слова в имплицативных конструкциях, мы указываем, *в чьих интересах* в конечном счете действует инициатор активности). В одной из наших работ мы предложили образ зеркального отражения индивидуума в себе самом, полагая, что, опираясь на этот образ, он способен решать задачу самоосуществления [38; 39]. В такие моменты человек превращается в Мюнхаузена, вытаскивающего себя из болота за волосы.

Итак, примем, что множество внутренних возможностей решения задачи подразделяется на два класса: возможности-устремления и возможности-опоры. О возможностях-устремлениях мы могли бы сказать: «хочу, что могу»; о возможностях-опорах — «могу, что хочу». Предполагается, что возможности-устремления — это *наличные* возможности, побуждающие действие. Эти возможности как бы стремятся наружу, заключая в себе импульсы к воплощению (чем явственней переживание «я могу», тем сильнее желание действовать — «я хочу»). Однако это стремление реализуется с опорой на прошлое — посредством актуализации ранее не задействованных, резервных, возможностей. Стремясь проверить себя, мы воспроизводим (моделируем, копируем) в сознании то, что не было реализовано нами ранее, и, опираясь на эти актуализированные резервные возможности, решаем задачу. Они-то, эти открывшиеся нам возможности, и образуют «среду», на которую опирается субъект волевого акта.

Далее, если принять, что человек действует на пределе своих внутренних возможностей, а это и значит проявляет *волю* (волевое действие подразумевает максимум самоотдачи), то можно предсказать уровень возможностей-устремлений, осуществление которых ведет к успеху, — это точка «золотого сечения», $x \approx 0,62$, причем опорные возможности y здесь дополнительные к возможностям-устремлениям, «достраивая» их до $1 : y = 1 - x \approx 0,38$.

Личность-субъект («моносубъект») ощущает себя не только вполне самостоятельным, но и совершенно самостоятельным, волевым «я», когда, идя на-

¹ Языковые игры с «я» открывают вполне серьезные перспективы использования спектра эпитетов и трансформаций этого термина в персонологии субъектности; они позволяют достаточно полно описывать мультисубъектное строение самосознания [39; 45; 46], жизненные отношения личности [54; 55], межличностные взаимодействия в процессе терапевтической и консультативной работы (например, сфокусированной на проблемах личностной автономии в рамках персонального экзистенциального анализа [62]).

встречу своим желаниям, предчувствует их осуществимость. Мы говорим о таком субъекте: *самовластное «я»*, подчеркивая, что оно само инициирует и обеспечивает действие. Подобное было бы невозможно без опоры на другую часть того же самого «я», достраивающую первую до целого. В наших терминах это взаимоотношение между *«открытым “я”»* и *подспудным «я»*.

Итак, *самовластное «я»* — субъект активности на *волевом уровне саморегуляции*. *Открытое «я»* как сторона *самовластного «я»* обеспечивает продвижение к цели посредством ставки на себя самого — на свое *подспудное «я»*.

Личность-диада. Здесь перед нами три варианта субъектных сборок и соответственно три уровня саморегуляции личности.

1. *Ставка на благоразумие — ценностный уровень саморегуляции*. *Благоразумие* — благо в глазах здравого смысла, благо, одинаково приветствуемое всеми, благо, с точки зрения всех. Это касается и самого индивидуума, если сравнить его сегодняшние и завтрашние завоевания, сиюминутные и долгосрочные интересы.

Отметим два принципа, конституирующих благоразумие. Первый, как уже было сказано, — это общность взглядов многих людей на благо, приобретаемое кем-то. За счет этого благоразумие в масштабах одной «отдельно взятой» личности столь беспрепятственно ассоциируется с общим благом. То, что обретается в благоразумии, одинаково ценно для всех, кто был бы способен это оценить, кто к этому реально или потенциально причастен.

Второй принцип — умеренность, рациональность, «такое состояние духа, когда мы в здравом уме и можем подавить наплыв душевных чувств ради внутренней гармонии»; «счастье дает роскошный стол, благоразумие же — достаточный» (Демокрит).

Оба принципа объединены схемой интериоризированного взаимодействия (*лидер* партнер*)* среда. Человек, инициирующий взаимодействие (*лидер*), действует так, чтобы его поведение отвечало соображениям разумности, как если бы кто-то другой (*партнер*) мог наблюдать за происходящим со стороны, подтверждая или оспаривая правомерность его действий. Результат действия оценивается согласно критериям «здравого смысла» — действуя в своих интересах, я чувствую одобрение со стороны внутреннего другого, как если бы кто-то кивнул мне, сказав: «Да, мне нравится (меня устраивает) то, что ты сделал». При этом заказываемое (и обретаемое) благо может отличаться по величине от исходного устремления субъекта.

Остается дать имена внутренним субъектам, в которых продолжают жить герои межсубъектного взаимодействия (*лидер* партнер*)* среда. Структурное место первого замещает теперь субъект, о котором будем говорить «*я тот, кто с тобой*». Соответственно, другую субъектную позицию замещает «*ты тот, кто со мной*»: это *отраженные (интериоризированные, интроецированные) значимые другие* (реальные коллеги, соавторы, родные и близкие люди, или «я сам» в иных обстоятельствах) — все те, за кого отвечаю, о ком забочусь, с кем отождествляю себя и от кого сам готов принять помощь. В русском языке есть слово, почти неиспользуемое, но оно метит ту самую общность — одну на двоих, о которой идет речь. Это слово «*сам-друг*», т. е. я вдвоем с кем-то. Поэтому вполне приемлемо, наряду с приличествующими для данного случая терминами «*интерсубъективное “я”*», «*кроссиндивидуальное “я”*»¹ и т. п., использовать в качестве синонима это слово отечественного

¹ Из двух слов: «*интерсубъективное “я”*» и впервые вводимого нами «*кроссиндивидуальное “я”*» — предпочтение мы отдаем последнему, т. к. в нем содержится идея не только «меж»-индивидуального статуса «я», но и некий вектор интенциональности от одного «я» к другому в паре.

происхождения. Обретая оптимум состоятельности, кроссиндивидуальное «я» («сам-друг») дарит ощущение общности с собой, способность сказать себе «да», достигая, как говорят последователи персонального экзистенциального анализа А. Лэнгле, «внутреннего согласия». Так проявляет себя личность на *ценностном уровне саморегуляции*, — чувствуя ценность того, что делает, и правильность совершаемого¹.

2. «*Оправданный самообман*» — *целевой уровень саморегуляции*. Обратим внимание на необычную функцию целеполагания, которую обыденное сознание, как правило, предпочитает не замечать: это функция постановки *мнимых* целей для достижения целей реальных. Для того чтобы перебраться «на тот берег», нам приходится брать выше по течению. Ссылаясь на Л. Н. Толстого, который писал о таких целях, нам напоминает о них в своих выступлениях Б. С. Братусь (отстаивая тот тезис, что «цели должны быть высокими»). Мы говорим о мнимых целях, подчеркивая, что это цели, относительно которых не только известно заранее, что они недостижимы, но известно также, что они *не должны быть* достигнуты (достижение этих целей заведомо нежелательно, совершенно нецелесообразно). Именно эта скрытая сторона взаимоотношений, «своя игра» и «свои счеты» с миром, имеет под собой межсубъектные основания, выраженные схемой (*автор* $\supset$ *эксперт*) $\supset$ *среда*. Это значит, что *эксперт* предлагает *автору* поставить перед собой более трудную цель, чем ранее принятая, и только за этот счет *автор* может рассчитывать достичь то, к чему изначально стремился. Так и во внутреннем плане: мы немного лукавим с собой, принимая нереалистические обязательства, подчиняемся им и в результате имеем то, что хотели иметь.

Позиции *автора* в описанной ранее субъектной сборке (*автор* $\supset$ *эксперт*) $\supset$ *среда* в интраиндивидуальном плане соответствует еще одна форма существования моего «я»; мы будем говорить в этом случае «я сам», подчеркивая, что речь идет о собственной позиции индивидуума, его частных интересах, побуждающих действие. Позиции «я сам» противостоит то, что может быть названо *превосходящим «я»* индивидуума (интроект *эксперта*). Такова в данном случае форма моего «ты», опосредующего запросы моего «я», притязующего на успех.

«Я сам» — субъект активности на *целевом уровне саморегуляции*: «я сам» опирается на *превосходящее «я»*, корректируя тем самым свои притязания, что позволяет достигать желаемого.

3. «*Подстройка*» — *операциональный уровень саморегуляции*. Прототипом этого процесса является схема *хозяин* $\supset$ (*работник* $\supset$ *среда*). В данном случае индивидуум выступает в двойной роли: он по-прежнему преследует свою цель — добиться желаемого, не изменяя свои притязания, но при этом нащупывает собственный стиль деятельности, прилаживается, приравнивается к ситуации. Активность протекает на двух уровнях: мотивационно-целевом (здесь мотив и цель совершенно слиты) и операциональном, при котором задача упрощается, удовлетворенность достижениями приравнивается к запросам. Возможную перспективу клинических и экспериментальных исследований при исследовании «*подстроек*» *открывает* анализ типов патологии личности и уровней развития организации личности, типов адаптаций, а также регрессий возраста в условиях невозможности справиться с ситуацией.

Так, нарциссическая личность, согласно Х. Кохуту, нуждается в опоре на «*селф-объекты*», переживаемые как часть «Я». Они обычно описываются как

¹ Ценностно то, что не просто значимо, но обладает надьиндивидуальной значимостью; заметим также, что «регулировать» происходит от лат. *regula* — норма, правило.

обеспечивающие поддержание, восстановление или трансформацию Я; этот термин применяется к субъективному, интрапсихическому опыту переживания присутствия Другого. Какую роль занимает селф-объект в установлении связи нарциссического «я» с миром? Кто это с точки зрения его функции и места во внутренней жизни личности: *советник? коллега? работник (слуга)?* Этот вопрос нуждается в специальном анализе, и пока мы не имеем сколько-нибудь отчетливого ответа. Но в данном случае, как и при других личностных расстройствах, можно привлечь к анализу логику «субъектных сборок», способную объяснить, каким образом нарушенная личность обретает чувство благополучия, хотя, казалось бы, не имеет для этого видимых оснований.

Особую проблему образуют тенденция понижения возраста психического реагирования в ситуации невозможности решить задачу. В этой связи А. Н. Панкратов использует особый конструкт, предложенный Л. Секеем, — «инфантильные презентации» как «исходной, или, во всяком случае доминирующей формы отношения ребенка к окружающей среде» [18. С. 9—10]. Мы бы прокомментировали, что берновское «Дитя» (инфантильная часть личности) является здесь «заказчиком», а всемогущий «Колдовской Родитель» — поставщиком переживаемых и дающих ощущение уюта возможностей решения (но, конечно, не обязательно самого решения).

Позиции *хозяина* в субъектной сборке *хозяин* $\supset$ (*работник* $\supset$ *среда*) в субъективном, интрапсихическом, плане соответствует то, что может быть названо *распорядительным «я»*. Но, естественно, одно дело — *распоряжаться*, а другое дело — *исполнять*. Фигура *работника* может иметь разные репрезентации в индивидуальном сознании. Это и внутренний экспериментатор, и проводник (сталкер, контактер), и даже медиум. Когда мы говорим: «Интуиция мне подсказывает», мы, по-видимому, имеем в виду «голос» этого субъекта в нас. В любом случае за свои открытия и прозрения *мое «ты»* должно держать ответ перед *распорядительным «я»*. Поэтому интериоризированную (интроецированную) фигуру *работника* будем называть *исполнительное «я»* (этот же термин мы встречаем у Э. Берна [3]). Заметим, что Э. Берн говорил о сосуществовании двух «я», оставляя вопрос: «Как такое возможно?» — на откуп философам.

Распорядительное «я» — субъект активности на *операциональном уровне саморегуляции*. Его устремления реализуются с опорой на *исполнительное «я»*, вступающее в непосредственный контакт с окружением.

«Задача по вкусу»: четыре уровня состоятельности. Существуют, очевидно, задачи, смысл постановки которых не сводится к решению утилитарных проблем, а является для человека способом проверки собственных возможностей. Будем говорить, что это «задачи по вкусу». Это задачи, решения которых никто от субъекта не требует. Они ставятся и решаются им по собственной воле. Личность при этом как бы тестирует собственную состоятельность.

Формируя гипотезы исследования, мы исходили из следующей общей посылки: выбор и решение «задачи по вкусу» позволяет индивидууму ощущать свою состоятельность *одновременно в нескольких отношениях*: 1) полагаясь на собственные силы, предчувствовать успех; 2) формируя адекватные притязания, справляться с неопределенностью; 3) иметь оправданные виды на будущее; 4) идти на риск неподтверждения своих предчувствий и в то же время надеяться на лучшее. Иными словами, предполагается, что в условиях решения «задачи по вкусу» выполняется условие субъектности саморегуляции на всех уровнях целеполагания, когда устремления индивидуума соответствуют его ожиданиям.

Эмпирическое исследование было посвящено оценке адекватности этих предположений на основе разработанной автором методики оценки уровня субъективной состоятельности личности в процессе решения «задач по вкусу»¹ [39].

50 испытуемым (в возрасте от 18 до 33 лет) предлагалось охарактеризовать свои чувства, мысли и действия в процессе решения задачи, которая представляла для них интерес возможностью проверить себя, испытать свои силы. Они сами выбирали, какая задача им придется «по вкусу». Требовалось поставить крестик «X» на непрерывной шкале «редко — часто», отвечая на следующие вопросы: «Как часто при решении такой задачи Вы:

1. Перепроверяете себя, пытаетесь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность)?

2. Считаете нужным дождаться “того самого” счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как бы наталкивающихся на открытие)?

3. Исходите из необходимости “отмести” версии, кажущиеся Вам сомнительными?

4. Думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого)?

5. Верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе?

6. Отказываетесь решать задачу по-старому, “отстраиваетесь” от ситуации, внутренне подготавливаете к новому решению (“переключаетесь”)?

7. Вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности?

8. Думаете: “Надо попробовать!”, хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно?»

В результате обработки ответов испытуемых (метод работы с материалом описан в статье [39]) мы получаем возможность определить:

- силу исходного побуждения к действию: «осмотрительность», «скептицизм», «что я теряю, а вдруг?», «победа будет за нами!»;
- прогнозируемую доступность решения: «везение», «соломинка», «победа будет за нами!», «что я теряю, а вдруг?»;
- предчувствия (чаяния): «осмотрительность», «везение», «победа будет за нами!», «как-нибудь само собой».

Эмпирические результаты исследования подробно описаны в книге [46]. Они подтверждают выдвинутое нами общее предположение о том, что в процессе решения «задачи по вкусу» — «надситуативной задачи» каждое «я», живущее в личности, достигает своих сокровенных целей: будь то самовластное «я» (интроект «единоличника», с его лозунгом «все свое ношу с собой» и работающего с полной самоотдачей), «сам-друг» (интроект «лидера»,веряющего в контроль над шансом), «я сам» (интроект «автора», ведающего перспективой), «распорядительное “я”» (интроект «хозяина», владеющего ситуацией). У каждого — свой подход к построению действий, свои варианты внутренних взаимодействий мое «я» — мое «ты».

Деятельное присутствие «другого» [47] позволяет личности как мульти-субъектной целостности достигать оптимума состоятельности на волевом, ценностном, целевом и операциональном уровнях саморегуляции. Каждому из полюсов пары «мое “я” — мое “ты”» соответствует специфическая феноменология, схватываемая такими словами, как *открытое «я» — подспудное «я»* (уровень воли); *я с тобой — ты со мной* (уровень ценностей), *я для себя — ты для меня* (уровень целей); *распорядительное «я» — исполнительное «я»* (уровень средств).

Индивидуум, выбирающий и решающий «задачу по вкусу», обнаруживает признаки **субъектности** на каждом из четырех выделенных уровней: волевые, ценностные, целевые и операциональные устремления индивидуума («я хочу») воплощаются соответственно в равное по интенсивности ощущение возможности их реализации («я могу»).

¹ В магистерской диссертации Р. С. Охлопковой [17] были установлены значимые корреляции между уровнем состоятельности личности при решении «задачи по вкусу» и уровнями «психологического благополучия» по большинству шкал и общей оценке уровня психологического благополучия по К. Риффу (The scales of psychological well-being), а также между уровнем самоэффективности по тесту-опроснику самоэффективности Маддукса — Шерера (The self-efficacy scale) в адаптации А. В. Бояринцевой.

Личность-триада. Простой (или по крайней мере узнаваемый многими) пример триадической организации личности — разработанная Э. Берном транзактно-аналитическая модель. Мы говорим в этом случае о «триумвирате субъектов». В терминах «состоятельности устремлений», с привлечением конструкторов «Взрослый», «Родитель», «Дитя», в ряде работ мы предложили персонологическую интерпретацию модели биполярного выбора В. А. Лефевра [13; 14] и основанной на ней «рефлексивной модели нормированного поведения» Т. А. Таран [56]. Была разработана версия, позволяющая объяснить один из феноменов психологии мотивации, вызывающий неизменный интерес исследователей [36].

Дж. Аткинсон, изучавший мотивацию свободного предпочтения задач различной степени трудности (уровень притязаний личности), предложил изящную математическую модель «принятия риска», призванную предсказать уровень выбираемой трудности задач в зависимости от того, какой мотив доминирует: стремление к успеху или стремление избежать неудачу. Согласно этой модели индивидуумы, чье стремление к успеху преобладает над стремлением избежать неудачу, должны выбирать задачи среднего уровня трудности (а если доминирует страх перед неудачей, то выбирать либо самые легкие, либо самые трудные задачи). Многолетние исследования психологов показали оправданность предсказаний, касающихся поведения испытуемых с доминирующим стремлением избежать неудачи. Однако испытуемые, мотивированные успехом, вели себя несколько иначе, чем предсказывала модель выбора риска. Они выбирали задачи, трудность которых была выше средней (в диапазоне между 0,6 и 0,7 вместо расчетного уровня трудности 0,5). Феномен смещения предпочтений породил различные версии (о них повествует Х. Хекхаузен), адаптирующие модель к фактам ценой ее усложнения.

Мы предлагаем простое решение. Метаимпликативная схема (*Взрослый* $\supset$ *Родитель*) $\supset$ *Дитя* при определенных допущениях порождает две формы взаимодействия между эго-состояниями. Первая — это *согласие* между *Родителем* и *Ребенком*: $(x_{\text{Взр}} \supset (1 - x)_{\text{Род}}) \supset (1 - x)_{\text{Дитя}} = x$. В этом случае испытуемые должны выбирать задачи, уровень трудности которых находится в районе «золотого сечения» — 0,618. Вторая форма взаимодействия — *бунт Ребенка* против *Родителя*: $(x_{\text{Взр}} \supset (1 - x)_{\text{Род}}) \supset x_{\text{Дитя}} = x_{\text{Дитя}}$. В этом случае испытуемые должны выбирать либо самые легкие, либо самые трудные задачи (здесь расхождения с моделью принятия риска Дж. Аткинсона нет). Подробнее об этом в работе [36].

Как состояться субъекту?

Все сказанное позволяет с новой стороны увидеть проблему «субъектности» — способности индивидуума быть источником и результатом собственных действий. Этот вопрос обращает нас к идее опосредованности процессов целеполагания и целедостижения со стороны социума. Первоначально взаимоотношения с миром других людей реализуются во внешнем плане, а далее погружаются во внутреннее пространство бытия личности (собственно *этим* личность и строится). Гегель формулирует фундаментальное понятие «хитрости разума», подчеркивая, что опосредование, располагающее к естественному действию одних предметов на другие, ведет к решению проблем, какими бы сложными они ни казались: «На широкую сторону мощи нападают острым концом хитрости».

Но в этой «хитрости», заметим, таится и риск иллюзий для человека, когда мы «запускаем», казалось бы, естественный механизм межчеловеческого

взаимодействия, где одни хитрые люди воздействуют на других хитрых людей. Иногда мы позволяем себе и другим «перехитрить» нас. «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад» — читаем мы у Пушкина. Горьковский Лука, странствующий русский философ, декламирует в ночлежке (откуда ему известны стихи Беранже — загадка):

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!

Мир Джорджа Герберта Мида — мир «символического интеракционизма» — еще неизвестен Горькому и его персонажам. Но тот факт, что люди живут в мире символических, а не только «материально-вещественных» интеракций, что ценности нашего бытия не могут быть объективированы и зафиксированы со стороны, «глазом», что никогда не будет построена палата мер и весов, чтобы измерить и взвесить достижения человека, чувство его благополучия в мире, дееспособность — все то, что мы именуем «состоятельностью», — этот факт был для писателя несомненен. Как, впрочем, и то, что путь истины («правда») есть дело святое и уж точно безумны те, кто свернули с дороги. Цивилизация, культура — это вечный спор между Сатиным («Человек свободен, он за все платит сам») и Лукой («Во что веришь, то и есть»). Не является ли культура целеполагания в некоторых случаях единственным способом примирить человека с самим собой, коль скоро он стремится к оптимуму благоденствия и дееспособности там и тогда, где и когда это практически невозможно?

Полагая, вслед за Л. С. Выготским, что в процессе развития личности интериоризация культуры — это не только усвоение «знаков-орудий», но и погружение во внутреннее пространство личности интериндивидуальных отношений, внутри которых функционируют эти орудия, мы могли бы интерпретировать этот процесс как условие достижения оптимума состоятельности. Внутренняя культура, «социум внутри», отраженность других субъектов в нас, вместе с их собственными мирами, в которых представлены мы сами, — все это *хитрости*, позволяющие нам быть вровень с ситуацией, а порой и подниматься над ней [41; 45].

Выводы

1. Исходя из понимания субъекта как «причины себя» («*causa sui*») проблематизируется возможность «быть субъектом» применительно к человеческому индивидууму.

2. Очерчена специфическая область человеческого бытия, в которой субъектность, трактуемая как самопричинность, обретает реальность: производство и воспроизводство возможностей индивидуума.

3. Вводится критерий *рациональной субъектности* индивидуума — соответствие между возможностями, вкладываемыми в процесс достижения, и возможностями, аккумулируемыми в этом процессе.

4. Выделяются две группы возможностей: инструментальные и самоценные.

5. Определено понятие «состоятельность» — динамическое единство переживаемых «могу», «хочу», «достигаю» (средоточие субъективных возможностей, побуждающих активность и производимых ею).

6. В соответствии с законом развития высших психических функций (по Л. С. Выготскому) предпринята гипотетическая попытка описать строение личности индивидуума как результат «интериоризации» различных субъект-

ных сборок; под этим углом зрения рассмотрены проявления саморегуляции индивидуума (волевая, смысловая, целевая, операциональная формы).

7. В процессе решения свободно избираемых задач самопроверки («задач по вкусу») каждый из внутренних субъектов в составе личности («самовластное “я”», «сам-друг», «я сам», «распорядительное “я”») достигает соответствия между своими устремлениями и обретаемыми возможностями.

8. Рассмотрены три варианта субъектной организации личности: «личность-субъект», «личность-диада», «личность-триада».

The author's concept of personality as a multisubject integrity is considered in the paper. *Subjectness* is the basic notion of the concept. The author interprets *the subject* as the unlimited origin of «I can», the space of the potential, constantly confirmed and actualized omnipotence (here a mathematical metaphor for the infinite-dimensional cube of opportunities is accepted). *Subjectness* is understood as an urge towards new possibilities which contain both the external (produced, acquired) and internal (actualized, appropriated) possibilities. We give a definition for the concept of *rational subjectness*, characterized by the fact that possibilities invested by the subject into a process, correspond to the possibilities gained as a result. There are two variants of *irrational subjectness*: super adaptive passiveness and active non-adaptiveness («supra situational activity»). The dynamic unity of «I can and I want to» forms the essence of what the author calls self-establishment (the focus of possibilities that encourage activity (not only «I want» transforms into «I can», but «I can» becomes «I want», «the more I can, the more I want»). The conditions for the self-establishment optimum are determined based on the author's mathematical model of aspirations' consistency. Following this model, the author offers a variety of options for building a multisubject outline for the personality self-regulation that provide for the achieving of the self-establishment optimum. The presence of different subjects in the internal space of personality is seen as the result of the interiorized intersubjective relations which originally take place outwards.

Keywords: subject, subjectness, possibilities, omnipotence, self-establishment, self-establishment optimum, multisubject organization of personality, cultural-historical theory, subject assemblies¹.

Литература

1. Акофф, Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери. — М., 1974.
Akoff, R. O. Celeustremlyennyh sistemah / R. Akoff, F. Jemeri. — M., 1974.
2. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. — М.: Смысл, 2007.
Asmolov, A. G. Psihologija lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitija cheloveka / A. G. Asmolov. — M.: Smysl, 2007.
3. Берн, Э. Транзактный анализ в психотерапии / Э. Берн. — М.: Акад. проект, 2001.
Bern, Je. Tranzaktnyj analiz v psihoterapii / Je. Bern. — M.: Akad. proekt, 2001.
4. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. — 2 изд. — М., 1991.
Vygotskij, L. S. Pedagogicheskaja psihologija / L. S. Vygotskij. — 2 izd. — M., 1991.
5. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. — М.: Смысл: Эксмо, 2005. — 1136 с.
Vygotskij, L. S. Psihologija razvitija cheloveka / L. S. Vygotskij. — M.: Smysl: Jeksmo, 2005. — 1136 s.
6. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1974. — Т. 1.
Gegel', G. V. F. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 3 t. / G. V. F. Gege'l'. — M.: Mysl', 1974. — T. 1.
7. Декомб, В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / В. Декомб. — М.: Нов. лит. обозрение, 2011. — 576 с.
Dekomb, V. Dopolnenie k sub'ektu: Issledovanie fenomena dejstvija ot sobstvennogo lica / V. Dekomb. — M.: Nov. lit. obozrenie, 2011. — 576 s.
8. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 592 с.
Zinchenko, V. P. Soznanie i tvorcheskij akt / V. P. Zinchenko. — M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. — 592 s.
9. Карпенко, Л. А. Коллективообразование / Л. А. Карпенко // Социальная психология: словарь / под ред. М. Ю. Кондратьева. — М., 2005. — С. 125—126. — (Психологический лексикон: энцикл. словарь: в 6 т. / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского).

¹ English-speaking readers can get acquainted with some further ideas of this article (alas, not all of them) in the paper «Subjectness as Possibleness» published by the author in the journal *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. — 2015. — Vol. 12, № 3 (in press) (author's note. — *V. P.*).

- Karpenko, L. A. Kollektivoobrazovanie / L. A. Karpenko // Social'naja psihologija : slovar' / pod red. M. Ju. Kondrat'eva. — M., 2005. — S. 125—126. — (Psihologicheskij leksikon : jencikl. slovar' : v 6 t. / red.-sost. L. A. Karpenko ; pod obshh. red. A. V. Petrovskogo).*
10. *Конопкин, О. А. Феномен субъектности в психологии личности / О. А. Конопкин // Вопр. психологии. — 1994. — № 6. — С. 148—151.*
- Конопкин, О. А. Fenomen sub"ektnosti v psihologii lichnosti / O. A. Konopkin // Voпр. psihologii. — 1994. — № 6. — S. 148—151.*
11. *Кричевец, А. Н. Cogito, Другой и представления о психическом / А. Н. Кричевец // Методология и история психологии. — 2010. — Т. 5, вып. 1.*
- Krichevec, A. N. Cogito, Drugoj i predstavlenija o psihicheskom / A. N. Krichevec // Metodologija i istorija psihologii. — 2010. — T. 5, vup. 1.*
12. *Леонтьев, Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии : От необходимого к возможному / Д. А. Леонтьев // Вопр. психологии. — 2011. — № 1.*
- Leont'ev, D. A. Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psihologii : Ot neobhodimogo k vozmozhnomu / D. A. Leont'ev // Voпр. psihologii. — 2011. — № 1.*
13. *Левфевр, В. А. Космический субъект / В. А. Левфевр. — М. : Ин-кварти, 1996.*
- Lefevr, V. A. Kosmicheskij sub"ekt / V. A. Lefevr. — M. : In-kvarto, 1996.*
14. *Левфевр, В. А. Рефлексия / В. А. Левфевр. — М. : Когито-центр, 2003.*
- Lefevr, V. A. Refleksija / V. A. Lefevr. — M. : Kogito-centr, 2003.*
15. *Левфевр, В. А. Алгебра совести / В. А. Левфевр. — М. : Когито-центр, 2004.*
- Lefevr, V. A. Algebra sovesti / V. A. Lefevr. — M. : Kogito-centr, 2004.*
16. *Лоран, Ж. Четыре персонае у Панетия и Цицерона: множественная личная идентичность / Ж. Лоран // Субъективность и идентичность / отв. ред. А. В. Михайловский. — М., 2012.*
- Loran, Zh. Chetyre personaе u Panetija i Cicerona: mnozhestvennaja lichnaja identichnost' / Zh. Loran // Sub"ektivnost' i identichnost' / отв. ред. А. В. Mihajlovskij. — М., 2012.*
17. *Охлопкова, Р. С. Состоятельность устремлений: транзактный анализ психологического благополучия личности : магистер. дис. / Р. С. Охлопкова. — М., 2001.*
- Ohlopkova, R. S. Sostojatel'nost' ustremlenij: tranzaktnyj analiz psihologicheskogo blagopoluchija lichnosti : magister. dis. / R. S. Ohlopkova. — M., 2001.*
18. *Панкратов, А. В. Практическое и обыденное мышление: полиопосредованность, субъектность и стратегичность : дис. ... канд. психол. наук / А. В. Панкратов. — Ярославль, 2003.*
- Pankratov, A. V. Prakticheskoe i obydennoe myshlenie: polioposredovannost', sub"ektivnost' i strategichnost' : dis. ... kand. psihol. nauk / A. V. Pankratov. — Jaroslavl', 2003.*
19. *Панюшкин, В. П. Освоение деятельности: индивидуальная репродукция или продуктивное сотрудничество [Электронный ресурс] / В. П. Панюшкин // Психолого-педагогические проблемы общения / под ред. А. А. Бодалева. — М., 1979. — С. 36—44. — Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/hre/hre-059.htm>*
- Panjushkin, V. P. Osvoenie dejatel'nosti: individual'naja reprodukcija ili produktivnoe sotrudnichestvo [Jelektronnyj resurs] / V. P. Panjushkin // Psihologo-pedagogicheskie problemy obshhenija / pod red. A. A. Bodaleva. — M., 1979. — S. 36—44. — Rezhim dostupa: http://psychlib.ru/mgppu/hre/hre-059.htm*
20. *Петровский, В. А. К психологии активности личности / В. А. Петровский // Вопр. психологии. — 1975. — № 3.*
- Petrovskij, V. A. K psihologii aktivnosti lichnosti / V. A. Petrovskij // Voпр. psihologii. — 1975. — № 3.*
21. *Петровский, В. А. Активность как «надситуативная деятельность» / В. А. Петровский // Тез. науч. сообщ. сов. психологов к 21-му междунар. психол. конгр. — М., 1976.*
- Petrovskij, V. A. Aktivnost' kak «nadsituativnaja dejatel'nost'» / V. A. Petrovskij // Tez. nauch. soobshh. sov. psihologov k 21-mu mezhdunar. psihol. kongr. — M., 1976.*
22. *Петровский, В. А. Активность субъекта в условиях риска : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. А. Петровский. — М., 1977.*
- Petrovskij, V. A. Aktivnost' sub"ekta v uslovijah riska : avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk / V. A. Petrovskij. — M., 1977.*
23. *Петровский, В. А. К пониманию личности в психологии / В. А. Петровский // Вопр. психологии. — 1981. — № 2. — С. 40—46.*
- Petrovskij, V. A. K ponimaniu lichnosti v psihologii / V. A. Petrovskij // Voпр. psihologii. — 1981. — № 2. — S. 40—46.*
24. *Петровский, В. А. Проблемы психологии личности в трудах Л. С. Выготского / В. А. Петровский // Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология. — М., 1981. — С. 122—125.*
- Petrovskij, V. A. Problemy psihologii lichnosti v trudah L. S. Vygotskogo / V. A. Petrovskij // Nauchnoe tvorcestvo L. S. Vygotskogo i sovremennaja psihologija. — M., 1981. — S. 122—125.*
25. *Петровский, В. А. Психология неадаптивной активности / В. А. Петровский. — М. : Горбунок, 1992.*
- Petrovskij, V. A. Psihologija neadaptivnoj aktivnosti / V. A. Petrovskij. — M. : Gorbunok, 1992.*

26. *Петровский, В. А.* Феномен субъектности в психологии личности : дис. ... д-ра психол. наук / В. А. Петровский. — М., 1992.
- Petrovskij, V. A.* Fenomen sub"ektnosti v psihologii lichnosti : dis. ... d-ra psihol. nauk / V. A. Petrovskij. — М., 1992.
27. *Петровский, В. А.* Активность / В. А. Петровский // Введение в психологию : учеб. для пед. вузов. / под ред. А. В. Петровского. — М., 1996. — Гл. 10.
- Petrovskij, V. A.* Aktivnost' / V. A. Petrovskij // Vvedenie v psihologiju : ucheb. dlja ped. vuzov. / pod red. A. V. Petrovskogo. — М., 1996. — Gl. 10.
28. *Петровский, В. А.* Идея свободной причинности в психологии / В. А. Петровский // Гуманитарная наука в России : Соросовские лауреаты. — М., 1996. — С. 178—187.
- Petrovskij, V. A.* Ideja svobodnoj prichinnosti v psihologii / V. A. Petrovskij // Gumanitarnaja nauka v Rossii : Sorosovskie laureaty. — М., 1996. — S. 178—187.
29. *Петровский, В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. — Ростов н/Д : Феникс, 1996.
- Petrovskij, V. A.* Lichnost' v psihologii: paradigma sub"ektnosti / V. A. Petrovskij. — Rostov n/D : Feniks, 1996.
30. *Петровский, В. А.* Очерк теории свободной причинности / В. А. Петровский // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Шур. — М., 1997. — С. 124—144.
- Petrovskij, V. A.* Ocherk teorii svobodnoj prichinnosti / V. A. Petrovskij // Psihologija s chelovecheskim licom: humanisticheskaja perspektiva v postsovetsoj psihologii / pod red. D. A. Leont'eva, V. G. Shhur. — М., 1997. — S. 124—144.
31. *Петровский, В. А.* Философия «Я» : Трансактный подход [Послесловие] / В. А. Петровский // Групповая психотерапия / Э. Берн. — М., 2001.
- Petrovskij, V. A.* Filosofija «Ja» : Transaktnyj podhod [Posleslovie] / V. A. Petrovskij // Gruppovaja psihoterapija / Je. Bern. — М., 2001.
32. *Петровский, В. А.* Импульсная модель экзистенциального выбора / В. А. Петровский, Т. А. Таран // Тез. КИИ-2002 8-й нац. конф. по искусственному интеллекту с междунар. участием. — М., 2002. — Т. 1. — С. 492—502.
- Petrovskij V. A.* Impul'snaja model' jekzistencial'nogo vybora / V. A. Petrovskij, T. A. Taran // Tez. KII-2002 8-j nac. konf. po iskusstvennomu intellektu s mezhdunar. uchastiem. — М., 2002. — T. 1. — S. 492—502.
33. *Петровский, В. А.* Метаимпликативная модель экзистенциального выбора / В. А. Петровский // Изв. Самар. науч. центра РАН. — 2002. — Спец. вып. «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». — С. 95—103.
- Petrovskij, V. A.* Metaimplikativnaja model' jekzistencial'nogo vybora / V. A. Petrovskij // Izv. Samar. nauch. centra RAN. — 2002. — Spec. vup. «Aktual'nye problemy psihologii. Samarskij region». — S. 95—103.
34. *Петровский, В. А.* Общая персонология: наука личности / В. А. Петровский // Изв. Самар. науч. центра РАН. — 2003. — Спец. вып. «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». — С. 20—30.
- Petrovskij, V. A.* Obshhaja personologija: nauka lichnosti / V. A. Petrovskij // Izv. Samar. nauch. centra RAN. — 2003. — Spec. vup. «Aktual'nye problemy psihologii. Samarskij region». — S. 20—30.
35. *Петровский, В. А.* Импликация: экспликация имплицитного / В. А. Петровский // Рефлексивные процессы и управление. — 2006. — Т. 6, № 1. — С. 60—66.
- Petrovskij, V. A.* Implikacija: jeksplikacija implicitnogo / V. A. Petrovskij // Refleksivnyje processy i upravlenie. — 2006. — T. 6, № 1. — S. 60—66.
36. *Петровский, В. А.* Уровень трудности задачи: метаимпликативная модель мотивации выбора / В. А. Петровский // Психол. журн. — 2006. — Т. 27, № 1. — С. 6—23.
- Petrovskij, V. A.* Uroven' trudnosti zadachi: metaimplikativnaja model' motivacii vybora / V. A. Petrovskij // Psihol. zhurn. — 2006. — T. 27, № 1. — S. 6—23.
37. *Петровский, В. А.* Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов / В. А. Петровский // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2008. — Т. 5, № 1. — С. 77—100.
- Petrovskij, V. A.* Sostojatel'nost' i refleksija: model' chetyreh resursov / V. A. Petrovskij // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2008. — T. 5, № 1. — S. 77—100.
38. *Петровский, В. А.* Индивидуальность и саморегуляция: метаимпликативная модель / В. А. Петровский // Рефлексивный подход: от методологии к практике / под ред. В. Е. Лепского. — М., 2009. — С. 205—234.
- Petrovskij, V. A.* Individual'nost' i samoreguljacija: metaimplikativnaja model' / V. A. Petrovskij // Refleksivnyj podhod: ot metodologii k praktike / pod red. V. E. Lepskogo. — М., 2009. — S. 205—234.
39. *Петровский, В. А.* Семь пространств существования личности: формальные модели состоятельности / В. А. Петровский // Мир психологии. — 2009. — № 1. — С. 25—43.
- Petrovskij, V. A.* Sem' prostranstv sushhestvovanija lichnosti: formal'nye modeli sostojatel'nosti / V. A. Petrovskij // Mir psihologii. — 2009. — № 1. — S. 25—43.

40. *Петровский, В. А.* Смысловые миры личности, или «Во что верит мысль?» / В. А. Петровский // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова [и др.]. — Краснодар, 2010. — С. 211—252.
- Petrovskij, V. A.* Smysl'ovye miry lichnosti, ili «Vo chto verit mysl'?» / V. A. Petrovskij // Psihologija sub'ekta i psihologija chelovecheskogo bytija / pod red. V. V. Znakova [i dr.]. — Krasnodar, 2010. — S. 211—252.
41. *Петровский, В. А.* Человек над ситуацией / В. А. Петровский. — М. : Смысл, 2010. — 559 с.
- Petrovskij, V. A.* Chelovek nad situaciej / V. A. Petrovskij. — M. : Smysl, 2010. — 559 s.
42. *Петровский, В. А.* Мыслью? — Да! Но существу ли? / В. А. Петровский // Культурно-историческая психология. — 2011. — № 3. — С. 12—26.
- Petrovskij, V. A.* Myslju? — Da! No sushhestvuju li? / V. A. Petrovskij // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. — 2011. — № 3. — S. 12—26.
43. *Петровский, В. А.* Наука личности: четыре проекта общей персонологии / В. А. Петровский, Е. Б. Старовойтенко // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2012. — Т. 9, № 1. — С. 21—39.
- Petrovskij, V. A.* Nauka lichnosti: chetyre proekta obshhej personologii / V. A. Petrovskij, E. B. Starovojtenko // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2012. — T. 9, № 1. — S. 21—39.
44. *Петровский, В. А.* «Я» в мысли и «Я» наяву: как возможно существование «Я» / В. А. Петровский // Проблема «Я»: философские традиции и современность / под общ. ред. В. Н. Поруса. — М., 2012. — С. 195—223.
- Petrovskij, V. A.* «Ja» v mysli i «Ja» najavu: kak vozmozhno sushhestvovanie «Ja» / V. A. Petrovskij // Problema «Ja»: filosofskie tradicii i sovremennost' / pod obshh. red. V. N. Porusa. — M., 2012. — S. 195—223.
45. *Петровский, В. А.* Космизм рефлексии Лefевра : беседа с В. А. Лefевром / В. А. Петровский // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2013. — Т. 10, № 2. — С. 7—23.
- Petrovskij, V. A.* Kosmizm refleksii Lefevra : beseda s V. A. Lefevrom / V. A. Petrovskij // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2013. — T. 10, № 2. — S. 7—23.
46. *Петровский, В. А.* «Я» в персонологической перспективе / В. А. Петровский. — М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013.
- Petrovskij, V. A.* «Ja» v personologicheskoj perspektive / V. A. Petrovskij. — M. : Izd. dom Vyssh. shk. jekonomiki, 2013.
47. *Петровский, В. А.* От теории деятельностного опосредования к теории деятельного присутствия / В. А. Петровский // Развитие личности. — 2014. — № 2. — С. 125—145.
- Petrovskij, V. A.* Ot teorii dejatel'nostnogo oposredovanija k teorii dejatel'nogo prisustsvija / V. A. Petrovskij // Razvitie lichnosti. — 2014. — № 2. — S. 125—145.
48. *Петровский, В. А.* Я : Конфигурации артефакта / В. А. Петровский // Культурно-историческая психология. — 2014. — № 2. — С. 63—78.
- Petrovskij, V. A.* Ja : Konfiguracii artefakta / V. A. Petrovskij // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. — 2014. — № 2. — S. 63—78.
49. *Петровский, В. А.* Я как причина себя: почетные круги causa sui / В. А. Петровский // Личность и культура: основы междисциплинарного исследования проблемы / под ред. В. Н. Поруса. — М., 2015.
- Petrovskij, V. A.* Ja kak prichina sebja: pochetnye krugi causa sui / V. A. Petrovskij // Lichnost' i kul'tura: osnovy mezhdisciplinarnogo issledovanija problemy / pod red. V. N. Porusa. — M., 2015.
50. *Рубцов, В. В.* Коммуникативно-ориентированные образовательные среды : сб. ст. / В. В. Рубцов ; под ред. В. В. Рубцова. — М., 1996.
- Rubcov, V. V.* Kommunikativno-orientirovannye obrazovatel'nye sredy : sb. st. / V. V. Rubcov ; pod red. V. V. Rubcova. — M., 1996.
51. *Сергиенко, Е. А.* Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции [Электронный ресурс] / Е. А. Сергиенко // Психологические исследования. — 2009. — № 5. — Режим доступа: <http://psystudy.ru>
- Sergienko, E. A.* Kontrol' povedenija: individual'nye resursy sub'ektnoj reguljacji [Jelektronnyj resurs] / E. A. Sergienko // Psihologicheskie issledovanija. — 2009. — № 5. — Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru>
52. *Станковская, Е. Б.* Переживание «Я могу» : Опыт реконструкции субъекта / Е. Б. Станковская // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2012. — Т. 9, № 4. — С. 125—132.
- Stankovskaja, E. B.* Perezhivanie «Ja mogu» : Opyt rekonstrukcii sub'ekta / E. B. Stankovskaja // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2012. — T. 9, № 4. — S. 125—132.
53. *Старовойтенко, Е. Б.* Новая персонология — интегральная наука о личности / Е. Б. Старовойтенко // Мир психологии. — 2012. — № 3. — С. 59—71.
- Starovojtenko, E. B.* Novaja personologija — integral'naja nauka o lichnosti / E. B. Starovojtenko // Mir psihologii. — 2012. — № 3. — S. 59—71.
54. *Старовойтенко, Е. Б.* Возможности Я в диалоге с Другим / Е. Б. Старовойтенко // Мир психологии. — 2013. — № 4. — С. 189—203.

- Starovojtenko, E. B. Vozmozhnosti Ja v dialoge s Drugim / E. B. Starovojtenko // Mir psihologii. — 2013. — № 4. — S. 189—203.*
55. *Starovojtenko, E. B. Dostizhenie sebja v otnoshenii k drugomu / E. B. Starovojtenko // Мир психологии. — 2013. — № 2. — С. 71—85.*
- Starovojtenko, E. B. Dostizhenie sebja v otnoshenii k drugomu / E. B. Starovojtenko // Mir psihologii. — 2013. — № 2. — S. 71—85.*
56. *Taran, T. A. Mnogoznachnye bulevy modeli reflektivnogo vybora / T. A. Taran // Рефлективное управление : сб. ст. — М., 2000. — С. 122—132.*
- Taran, T. A. Mnogoznachnye bulevy modeli reflektivnogo vybora / T. A. Taran // Reflektivnoe upravlenie : sb. st. — M., 2000. — S. 122—132.*
57. *Taran, T. A. Булевы модели рефлективного управления в ситуации выбора / Т. А. Таран // Автоматика и телемеханика. — 2001. — № 10. — С. 103—117.*
- Taran, T. A. Bulevy modeli reflektivnogo upravlenija v situacii vybora / T. A. Taran // Avtomatika i telemekhanika. — 2001. — № 10. — S. 103—117.*
58. *Толстой, Л. Н. Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой // Русские методисты-словесники в воспоминаниях. — М., 1969. — Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/hre/hre-059.htm>*
- Tolstoj, L. N. Komu u kogo uchit'sja pisat', krest'janskim rebjatam u nas ili nam u krest'janskih rebjat? [Elektronnyj resurs] / L. N. Tolstoj // Russkie metodisty-slovesniki v vospominanijah. — M., 1969. — Rezhim dostupa: <http://psychlib.ru/mgppu/hre/hre-059.htm>*
59. *Шмелев, И. М. Овладевающее поведение: переход через эмоциональный флаттер / И. М. Шмелев // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2015. — Т. 12, № 2. — С. 133—149.*
- Shmelev, I. M. Ovladevajushhee povedenie: perehod cherez jemocional'nyj flatter / I. M. Shmelev // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2015. — T. 12, № 2. — S. 133—149.*
60. *Эльконин, Б. Д. Психология развития : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б. Д. Эльконин. — М. : Академия, 2001. — 144 с.*
- Jel'konin, B. D. Psihologija razvitija : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / B. D. Jel'konin. — M. : Akademija, 2001. — 144 s.*
61. *Ryan, R. M. An overview of self-determination theory: an organismic-dialectical perspective / R. M., Ryan, E. L. Deci // Handbook of self-determination research. Rochester / ed. by E. L. Deci, R. M. Ryan. — N. Y., 2002. — P. 3—33.*
62. *Stankovskaya, E. B. To say «Yes» to oneself: existantial-analitical perspective on autonomy / E. B. Stankovskaya // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2014. — Т. 11, № 4. — С. 136—145.*

Е. В. Косилова

Фундаментальные и базовые отношения субъекта¹

В статье исследуются фундаментальные (наиболее глубокие) и базовые (основные) отношения субъекта. Выделено два фундаментальных: время и ресурсы и несколько базовых отношений: к жизненному миру, к физическому миру, к себе, к трансценденции, к Другим. Любое отношение субъекта может быть адекватным и неадекватным. Утверждается, что в отношении к Другим входят зависимость и противостояние им. Показывается, что подлинное отношение к Другим включает обретение независимости и на ее основе — раскрытость к коммуникации.

Ключевые слова: субъект, свобода, Другие, жизненный мир, трансценденция, адекватность.

Введение

В статье предполагается выявить глубинные отношения субъекта.

Дадим определение субъекта: субъектом является тот, кто делает осмысленный выбор на основе понимания, выбор как в мысли, так и в действии. Субъект неотъемлемо свободен. Спонтанность сознания как бы постоянно предоставляет нам целый спектр возможностей. Эти возможности касаются того, что мы можем подумать. Мысль, которая не была свободным актом ментального выбора, не ощущается как мысль. Она может ощущаться как продолжение предыдущей мысли, как чувство, как фон сознания, как убеждение, презумпция,

¹ Редколлегия журнала приглашает к обсуждению статьи автора, поднимающей кардинально значимые проблемы, связанные с пониманием и определением субъекта, в том числе те, решение которых имеет дискуссионный характер.